

Отражение явлений и проблем действительности в советской поэзии на этапе «оттепели»

В статье речь идёт об отражении в подцензурной советской поэзии на этапе «оттепели» и в начале перехода к стабилизации образов современников, жизненных ситуаций, событий, проблем. То есть, — об одной из весьма заметных сторон общественного сознания в условиях отказа от массовых репрессий, от изоляции от внешнего мира, и — ослабления «морально-политического единства советского народа». Выбор стихов автором (не литературоведом, а историком, не равнодушным в те годы к поэзии) и комментарии к стихам вполне субъективны. Они могут представлять интерес ибо в них отражается сегодняшнее восприятие того времени и его поэзии рядовым советским обществоведом из поколения ровесников Войны. Главные выводы: поэзия тех лет развивалась, как правило, в тради-

ционных формах, охватывая содержательно все основные стороны жизни человека и общества в несколько расширенных рамках допустимых тогда трактовок. Тем ярче и заметнее были попытки выхода за эти рамки поэтами, отличавшимися своим предметно-образным видением действительности и создавшими неповторимый поэтический образ сначала самой «оттепели», затем — её постепенного отступления.

Ключевые слова: советская поэзия; «оттепель» в СССР; взаимовлияние литературы и действительности на пути СССР от «оттепели» к стабилизации.

Чеслав Симонович
(Союз учёных Санкт-Петербурга)
независимый исследователь

Введение

Концентрированная, поэтическая форма художественной литературы имеет широчайший диапазон содержания — от почти бессмысленного бормотания до описания конкретных лиц, типичных образов, событий, явлений, процессов и отношений. Разным может быть и использование читателем содержания стихов — от прямого извлечения неких сведений до любования звучанием авторских слов, до попыток проникновения в их смысл, в их настрой и чувство.

Беспредметность, искусство для искусства, не приветствовалось в советские годы. Важнейшим признаком, подчас определявшим возможность публикации, была тема стихотворения. И в подцензурной советской поэзии на этапах «оттепели» и последовавшей стабилизации было немало чистой «политики», откликов на исторические события, пейзажной лирики, исповедальности и морализаторства.

Источники цитируемых текстов — большей частью московские и ленинградские «Дни поэзии», молодёжные сборники середины 1950-х — второй половины 1960-х гг.

Традиционных, многообразных источников о советской действительности названного периода более чем достаточно, начиная с директив КПСС и Советского Правительства и заканчивая уже немалым корпусом воспоминаний бывших лидеров и рядовых граждан. Так что художественная литература полезна обществоведам и гуманитариям как источник по истории не столько событий, сколько общественного сознания, если отражение действительности было плодом здорового авторского восприятия, а не отклонения от психической нормы. За рассматриваемое 15-летие из печати вышли, наверно, сотни сборников стихов, постоянными были подборки в журналах. Свообразными годовыми отчётами стихотворцев стали сборники под названием «День поэзии». Одним из главных таких сборников представляется московский «День поэзии. 1962». Это был год первый после эпохального для СССР события — XXII съезда КПСС, провозгласившего начало развёрнутого строительства коммунизма. Ярчайшим символом новой эпохи был первый в истории человечества полёт в космос пилотируемого корабля... Конечно, всё это ярко отражалось и в литературе и ис-

кусстве. Но чем громче гремели здравицы и фанфары, тем менее уютно становилось «маленькому человеку» средних лет, да, пожалуй, и нам, его детям, вступавшим в пору юности. Как никогда драгоценна стала тёплая душевная негромкость. В тот незабываемый год автор статьи грешил пренебрежением ко всему стихотворству, которое не было связано с именами Окуджавы и Матвеевой. Даже Евтушенко и Вознесенский представлялись отчасти поражёнными официальной червоточинной. Поэтому теперь, прочитав или перечитав стихи других авторов, должен расписаться в собственном юношеском невежественном снобизме.

Избранная тема сложна и многопланова, ею определена и структура статьи. Два подхода пытаюсь осуществить: 1 — показ самого удивительного в довольно однообразной в рассматриваемое время по темам и формам советской поэзии; 2 — обзор тем и сюжетов, отражавших действительность; 3 — в статье присутствуют несколько попыток объяснить те или иные особенности формы и содержания приводимых стихотворений чертами биографий авторов с упором на воображаемые характеристики в основном двух поколений поэтов — фронтовиков примерно 1910-х гг. рождения и «60-ников», рождённых примерно в 1920-е -1930-е гг.

Самое удивительное, даже невероятное,

не только для тех лет, когда стихи были написаны, но и для современного читателя, привыкшего уже ко всему — это, пожалуй, стихи «Змеиные травы» загадочного Юрия Кузнецова (1941 — 2003). Знай я эти стихи в момент первой публикации — сколько было бы восторгов необычностью, уходом в глушь, в мистику от прозы советской обыденности и даже парадности... Теперь — напротив, слышано и читано удивительного столько, что ничего, кроме недоумения стихи не рожают. Пересказ стихотворения бессмыслен. Да и комментировать его не обществоведу бы, а литературоведу, интересующемуся странными явлениями в поэзии, в личности авторов.

*Мчался поезд обычного класса,
Вез мечты и проклятья земли.
Между тем впереди через насыпь
Серебристые змеи ползли.*

*Людам снилась их жизнь неуклонно,
Снился город, бумаги в пыли.
Но колеса всего эшелона
На змеиные спины сошли.
Все сильнее пассажиров шатало,
Только змеи со свистом ползли.
Незнакомая местность предстала,
И змеиные травы пошли.
Канул поезд в пустое пространство,
И из вас никому невдомек,
Если вдруг среди мысли раздастся
Неизвестно откуда — гудок.*

1968 [1, 121]

Аналоги найти трудно, разве что вспоминается древнерусский былинный богатырь, топчущий змеёнышей, да «Заблудившийся трамвай», метавшийся по просторам Советской России и всей Земли в решающий год Гражданской войны. Ничто в краткой биографической справке о Ю. Кузнецове не раскрывает исток столь необычного видения. Зацепка лишь одна — интерес поэта к мифологическим, фольклорным, фило-софским темам. [2]

Необычность странных для равнодушного к поэзии читателя стихотворений обнаруживала себя не столько в форме, в стиле строения, сколько в содержании, в средствах его воплощения. В первом случае отмечу лишь поэму Ю. Левитанского «Мама и космос», в которой есть три части, три биографических этапа героя и его матери, — два реальных, с описанием голодных лет, десятилетий тягот материальных при высокой духовности, жертвенности. О третьем этапе — начале освоения космоса-говорилось в духе момента, возвышенно, фантазийно, с мысленным вознесением героической страдальницы — Мамы в осваиваемые иные миры... Предрекалась и связанная с этим этапом эра грядущего изобилия... [3, 183-184]

Упомянутые и иные тяготы, их героическое преодоление — пафос стихотворения Е. Благиной «Была и буду». Тема традиционная для отечественной литературы, идеологии. Но страшновата заливчатая похвала закаляющим трудностям, испытаниям:

«Ты, война меня не повалишь, // Я — из ванек-встанек! // Ты мне хлеб сухой жевать велишь, // А я его — как пряник... // // Потому, что жизнь нельзя убить // Ну никак, хоть тресни!...» [3, 22] Для парадного юбилейного концерта такой театрално-истерический настрой м.б. и проходил, но — не для воодушевления каждого из миллионов наших людей, прошедших ад Войны. Естествен вопрос — где границы поэтических преувеличений? Видимо, они — разные для разных тем, и поэт должен это чувствовать. (Как говаривала прозой моя первая теща: «Знай край, да не падай...»)

«Край», за которым поэтическое воспарение за облака оборачивается напыщенной зауемью, знала Новелла Матвеева, всегда. Неблагодарное занятие — пересказывать стихи, тем более — настоящие. Н. Матвеева тогда радовала нас, например, перескоками солнечного зайчика, на мгновение становящегося теми, по кому он скользнул... Печаль же от сравнения его с зайчиком живым, маячащим на мушке прицела, не радующим людей своими набегами на сады и огороды, — всё же легка, ибо красота зримая вечна и всеохватна, а то, что умирает зайчик живой — это лишь проза за пределами строф, для взрослых. [3, 267-268]

Для детей были бы заняты и этнографичны стихи В.Лифшица о поездке по Фергане, где в одном из

колхозных садов на тутовых деревьях в люльках младенцы «спят, качаясь // как матросы в кубрике // и, причмокивая, славят бытиё // молодые граждане Республики, // сыновья и дочери её.» [3, 106] Как поэт тогда догадался, что или кого они славят, теперь, через 56 лет, — поди узнай...

Перечислю, не цитируя, ещё три достопримечательности: Майя Борисова предполагала, что в будущем, с его невероятными сроками космических полётов, возможны не плотские, а духовные супружества, когда зачатие происходит после отлёта супруга, и мать растит сына, лишь духовно близкого возвращающемуся когда-нибудь «отцу»... [3, 58] То есть будущего не надо было бояться и в этом плане... «Оттепель» ещё чувствовалась во всём, и даже некоторые стихи о смерти не пугали, лишь удивляли своеобразным оптимизмом. У Ник. Ушакова, радуясь мартовскому солнцу, «...у анатомки // в снежки играют доктора». (Видимо, речь идёт о развлечении привычных ко всему больничных врачей около патолого-анатомического отделения и морга при нём...) [4, 205] Но, пожалуй, вершина любовного оптимизма, полное погружение в привязанность к металлургии и в любовь к женщине дышало в стихах А.Балина «Нежность чугуна»: Оранжевой «кожицы» поверх ковша пред разливкой металла поэту хотелось коснуться, «достать рукой ... // как тело третное женщины // в заре вечерней над рекой. //...» [3, 112]

Всё это было бы смешно, как говорится, когда бы не было так грустно. Оглядываясь на «оттепель», мы знаем о ней столько хорошего, талантливого, долгожданного для нас, рождённых в годы Войны, для наших отцов и дедов, что не рады, когда всплывают при внимательном рассмотрении не меньшим числом глупые, уродливые явления, мысли, личины. Воистину, погоду делали в поэзии несколько десятков лидеров. Фон же был, КАК ВСЕГДА, весьма средним и даже слабел по мере наплыва новых имён. Вывод сей несколько то-роплив? Попытаюсь обосновать его далее.

Большая и малая политика в стихах 1960-х гг.

Социально-политической темой номер один была верность Родине, Партии, памяти дедов и отцов — борцов за народное счастье. Недолго искать в публикациях стихи о родине и Партии (В.Гордейчева, Н. Палькина, Владимира Морозова...) [11: 190, 192, 194]. Их, и сотни таких, как они, печатали, давали возможность кормиться литературой, награждали. Но, полагаю, в душу народную такие опусы не проникали, ибо авторы их ломились в открытую дверь. Иное дело, когда нежность к матери-Родине прорывалась не у записного восхвалителя, секретаря Союза Писателей, а у «гуляки праздного», по молодости армейской автора разухабистых «Фонариков» 1953 года — Глеба Горбовского. Когда поэт «оторви и брось» признавался от имени славного паренька в преклонении перед великой русской рекой, когда заканчивал словами: «Ещё Россия не сказала // Свои последние слова!» [11, 197], то ему верилось безоглядно. Эту фразу передавали из уст в уста даже в весьма прихотливом кривулинском кругу... Но применяться к вкусам редакторов приходилось и Глебу. В 1963-м, за год до милого «веснушчатого Вани» персонажем варианта стихотворения «Над Волгой» был:

«Мужик в разорванной рубаше - // Без Бога, в бражной маяте... // Два кулака, как два кресала, // И, словно факел, голова... // Ещё Россия не сказала // Свои последние слова.» [3]

Другой пример мощного, хотя и по-женски мягкого признания в кровной связи с родной землёй — стихи замечательной вологодской поэтессы Ольги Фокиной. Когда она просит найти родные народные напевы, молодая продавщица раздражённо еле находит такую пластинку в дальнем углу. А вихлястый юнец издевательски спрашивает:

*«...Вы из деревни?
А деревню как зовут?»
И ответу я мальчишке:
«Я, конечно, из деревни.
И не скрою, раз спросили,
Из деревни из какой:
Песни есть о ней и книжки,
Есть о ней стихотворенья.
И зовут ее — Россия!
А откуда вы такой?»
1965 [11, 254]*

(Известно, откуда. Планы западных развратителей советской молодёжи осуществлялись с каждым десятилетием всё успешнее. Советский социализм проиграл войну за души молодёжи задолго до поражения в «холодной» войне ... Но в те годы это казалось невероятным. Наш колосс рос.)

Благодатный простор для изъяснения верноподданнических чувств по отношению к КПСС и Советской власти предоставляла поэтам партийная концепция отечественной истории. Тут уж можно было не сдерживаться, изображая тяготы и утешения трудового народа захребетниками-властителями и их верными слугами. С благородной классовой радостью пишет С. Макаров о смерде, убившем удельного князя, ни за что хлестнувшего того смерда по лицу. Последние две строчки перебрасывают мостик из Древней Руси в современность: *«Я не забыл об этом смерде// В твой век, «Интернационал»»* [4, 134] Пружинку сию, якобы историческую, сжимали советские поэты, пока не грянул гром начала 1990-х и не пустились многие взапуски воспевать благородных белых офицеров, и хорошо, что не «зелёных» бандитов...

В «оттепель» чем старше и умудрённее, чем более независимыми считали себя поэты от злобы дня, тем твёрже звучал их голос. Против всепоглощающей лжи (И. Эренбург), против бесконечных пустых клятв в верности (Вас. Фёдоров), против неназываемых прямо недостатков, ошибок (С. Орлов), против бездумного подчинения очевидной неправде (В. Шефнер)... [3: 245, 145; 4: 158, 218].

Параллельно шли или ковыляли хвалебные произведения о Ленине (В. Саянов), о России (М. Сазонов), о партийном долге (Н. Яворская), и на следующем витке политической спирали — ещё более конкретно — об исторической правоте действий Н.С. Хрущёва (В. Казин), в частности — в деле очищении Мавзолея от останков Сталина (М. Львов), об опережающем высвобождении массового сознания и высказываний (Евг. Евтушенко, С. Васильев) по сравнению с развитием социально-бытовой сферы. [5: 114, 112; 4, 226; 3: 33, 173, 118, 79] Наиболее полным и логичным по содержанию представляется поэтический «Стих о Партии» Вас. Казина. [3, 31+] По форме же он был самым близким к народному сказу с давно забытыми словами и конструкциями...

Одним из главных, незабываемых явлений политической поэзии были стихи Евгения Евтушенко «Наследники Сталина». На нас, молодых, они произвели

впечатление не меньшее, чем разоблачения культа в докладах на съездах партии. Ибо там говорилось от имени старших поколений, а Евгений Александрович по всему был нам ближе.

Но по большому, нейтральному в политике, счёту из всего известного мне стихотворного наследия советских времён самые глубокие, многослойные, лично пережитые стихи этих лет принадлежали перу Н. Заболоцкого («Где-то в поле, возле Магадана»), С.Л. Кулле («Сперва — // человек с душой, // потом — человек с ружьём.// Потом — человек с бутылкой...») Сегодня бы добавил поэт: «Потом — человек с мобильным телефоном и заткнутыми наушниками ушами...»), и — Евг. Рейна. Последний убеждает в том, что подлинная политическая поэзия — это не стихотворные описания исторических коллизий, но — образов людей своего времени (*уже открывших «пух и прах карьеры», уже «отпиавших мутного портвейна хрущёвской оттепели»... Таков/ сочинитель лёгких// и нервных молодых стихотворений, // где размещались «кровосгустки джаза на ленинградской мертвенной водице»...*) [3, 298; 6: 78, 161]

Итак, даже в микроскопическом масштабе и при субъективном выборе очевидна представленность в стихах столичных сборников если не всего разнообразия политических воззрений и ощущений авторов, то — разнообразия тем и манер их выражения. Недостаточно было отражено главное — отношения между классами, социальными группами и слоями, то есть ключевой вопрос всякой внутренней политики. Он считался вполне решённым благодаря научно обоснованной социально-классовой политике Партии и Государства.

И, помнится, после поворота в 1953 г. социально-экономической политики КПСС лицом к деревне о реальных противоречиях между основными классами люди особенно не распространялись, не было такой отдельной темы в досужих или заветных разговорах. В поэзии же — редко, но встречалась! Замечательное стихотворение Ольги Фокиной написано было в 1962 г., когда разразился очередной кризис в сельском хозяйстве. Из деревни в Москву к дочке приезжает мать. Идут в Мавзолей. И мать по простоте:

*«У вождя надумала спросить:
«Тесно тут народушку, в Москве-то,
А в колхозе — некому косить.
Я до жалоб сроду не повадна!
Может, стала к старости глупа,
Но неужто, Ленин, это ладно:
На корню гниют у нас хлеба,
Березняк идет на луговины,
Зарастают елкой новины,
И живет народ из половины,
Виноватый ходит — без вины.
Али, может, чем и виноваты?
Ты бы сам приехал, посмотрел:
Робят — одорукий да горбатый,
А ведь так ли надо по страде [11, 255-256]*

Очевидно взаимопроникновение социальной проблемы (то есть слабости рабочей силы в сельском общественном секторе) и политического приёма, то есть обращения к высшему политическому авторитету. Такой краткий поэтический спрос с покойного основателя-вождя стоил сотен страниц горькой критики прозаиками и публицистами.

В то же время о *международной политике* КПСС,

об излишне щедрой помощи друзьям — антиимпериалистическим партиям, движениям и народам в лице их правителей — об этом можно было в досужных разговорах часто. Но в сборнике 1962 г. немного сюжетов такого рода. «*Не сти, Африка*», — призывала проснувшийся континент Т. Никитина, тут же переносясь мысленно через океан и уверяя в поддержке молодого, но уже великолепного и любимого советским народом Фиделя. Сочувствовал безработным Абиджана и невозвратности на родину Назыма Хикмета М. Матусовский [4, 150; 3, 69] ... Всё это были любезные редакторским сердцам темы. И стихи, вероятно, писались от души, ибо поэты, «как и весь советский народ», были на стороне угнетённых и поднимающихся с колен народов. Но — слова словами, а источником средств и для внутреннего потребления и для помощи союзникам по антиимпериалистическому лагерю был только труд советских людей.

Тема труда -

— главная, естественно, в советской подцензурной поэзии. Традиции она имела богатые в демократическом лагере с дореволюционных времён. А в рассматриваемое время привлечению к общественно полезному труду уделялось огромное внимание. Не работавшие на государство или в кооперативах привлекались с мая 1961 г. к уголовной ответственности за тунеядство.

Перечислить все повороты темы труда невозможно. Отмечу лишь посвящение стихов десяткам разных специальностей, в том числе — металлургам, шофёрам, лесорубам, механизаторам сельского хозяйства и даже почтальонам... Заметно было любование трудностями, превознесение тяжести труда. Особенно артельного, воспетого ещё Горьким в сцене разгрузки ползатонувшей баржи. Это было понятно в условиях, когда индустриализация не проникла повсеместно.

Характерно, что процесс осмысленного, полезного, хоть и принудительного, труда увлекал, отвлекал, и не только человека-символа — Ивана Денисовича, но и сидевшего за создание подпольной молодёжной марксистской группы — Ан. Жигулина, реабилитированного. Помнится, мы шли на его вечер, предвкушая заряд ненависти к власти. Напрасно ждали; читал он и о тайге, и о рудниках, но без выкриков и всхлипов, помужски: да, так вышло, так случилось, не дай бог вам... — сквозило между строк, но не ярко.

Другая странность, связанная с предсказаниями Программы КПСС об основах коммунизма, просвечивала в призыве С. Макарова работать не ради наживы, не ради рубля. Это было, на языке политических формулировок, явным «забеганием вперёд», впрочем простительным, а значит — печатным, ибо стихотворение — не резолюция партийного форума. [3: 9-12, 86-87, 36, 208, 15] Упомяну и о более весомом, развёрнутом предсказании основных положений партийной программы. Николай Асеев предрекал в 1956 г.: «*Ещё за деньги люди держатся, // как за кресты держались люди // во времена глухого Керженца, // но вечно этого не будет. // Ещё за властью люди тянутся, // не зная меры и цены ей, // но долго это не останется // — наступит времена иные. // ... С тех пор, как шар земной наш кружится, // сквозь вечность продолжая мчаться, // великое людей содружество // впервые стало намечаться...*» [11, 13-15]

Автор приведённых строк, 1889 г.р., не понаслышке знал о временах когда люди «держались за кресты»...

«Не бойтесь. Радуйтесь. За всё благодарите»

В государстве, в первое своё 25-летие уничтожавшем церковь физически, затем лет на 10 разжавшем когти, а в рассматриваемое время усилившем борьбу против остаточной религиозности, не могли быть опубликованы стихи в оправдание последней. В досужных разговорах люди, уже не знавшие букву и дух всех христианских заповедей, особенно — блаженства, пытались связать их с гуманными требованиями морального кодекса строителей коммунизма. Но о примирении партии с религией не могло быть речи. Традиция же словоупотребления превозмогла подчас. Понятия, упоминания о вере в бога и об отдельных отправлениях религиозного культа проникали в стихи. Е. Серебровская хотела бы слушать колокола не с колокольни церковной, а в поле, освобождёнными. Сожалела о разрушенных памятниках церковной архитектуры Ольга Берггольц. Крестьянскую трудовую природу святых Древней Руси, происходивших из смердов, угадывал в образах В. Торопыгин. [4: 185, 32; 5, 13] Словно бы следуя примеру «дорогого Никиты Сергеевича», ведшего подлую борьбу с церквами, нередко поминая бога всуе, виднейшие из молодых поэтов-свободолюбцев, вроде А. Вознесенского, высмеивали монахов, особенно молодых («Загорская лавра»), образы же молодёжного времяпрепровождения зачем-то прибирали из церковного словаря:

*«Мимо санатория
реют мотороллеры.
За рулем влюбленные -
как ангелы рублёвские.
Фреской Благовещенья,
резкой белизной
за ними блещут женщины,
как крылья за спиной!...»* [20,233]

Виртуозно и беспардонно использовал десятки сцен и понятий Ветхого завета Семён Кирсанов, эксплуатируя в поэме «Эдем» тему Ада, принесённого на нашу землю немецко-фашистскими захватчиками. [3, 121+]

Не были, конечно, доступны рядовому читателю православные стихи этих лет. В. Кривулин вынужден был печататься за границей. Он писал: «*Опалены огнём суровым, // и всё же не умея жить, // сойдёмся мы! Под этим кровом // нам надо многое решить! // Что скажешь ты, мой друг, о Боге? // И стих евангельский прочтёшь, // как белый крестик на дороге // в грязи и слякоти найдёшь. // А ты? — Поговорим о силе, // о мужестве, о доброте, // о подлой участи России, // распятой ныне на кресте. // Но будет радостная нота // врываться в этот разговор... // Нас трое, и четвёртый кто-то // Глядит на каждого в упор.*» (1966) [8]

Вспоминая окружение В. Кривулина, подтверждаю, что самых близких, собиравшихся во имя Высшего, будь то Господь или Поэзия, было немного. В целом же, за его взрослую жизнь организатора художественной ветви гражданского общества, около Виктора обращалось и протекало мимо много людей. Подсчёты не велись, но осталось впечатление, что большинство из них не происходило «из бывших», из представителей эксплуататорских или привилегированных до 1917 г. сословий и классов. Принадлежала ли большая часть литературной юной фронды к выходцам из слоя специалистов и служащих средней квалификации — это бы посчитать по биографическим справочникам. Что это даст? Как знать — по-иному бы сложи-

лась жизнь и творчество замечательного ленинградского поэта Льва Викторовича Васильева, происходит он из самых «низов» или «верхов», а не обыкновенных «служащих».

Социальные слои, явления и вопросы

В условиях оттепельной свободы не нужны были умолчания, как во времена преследований за подозрительное социальное происхождение. Но и благородным происхождением тоже никто не кичился. Некоторые подчёркивали простонародное происхождение, иногда углубляясь в профессиональные, имущественные и прочие социальные характеристики, гордясь извечным трудолюбием отцов, дедов и т.д. (Е. Винокуров, В.Лазарев...) [3: 77, 13]

Принадлежность к тому иному полу — одна из сюжетных опор конструкции стихов не только о любви между мужчинами и женщинами. Превозносили мужество воинов, мощь и умелость, и трудовой настрой мужчин-работников. Напротив — с оттенком жалости, сочувственно описывали неженственных народовок, женотделок и их «наследниц», воспроизводимых природой и социальным устройством в каждом новом поколении. [3, 84] Не нахожу столь же самокритичных мужских стихов о немужественных мужчинах. Разве что приходят на память куплеты мудрого Расула:

*Немало мужчин попадается дутых,
Папаху носить может всякий к тому ж.
Сказала любовь:
— Пусть ко мне приведут их,
Отвечу тогда я, кто истинный муж.
— Не все те мужчины, кто лихо и браво
Закручивать могут усы хоть куда.
Проверим, у всех ли законное право
Мужчинами зваться — сказала беда.
— Проверим! — откликнулись волны потока,
И сразу возникла в ночной вышине
Тропинка над бездной, чтоб волею рока
Мужчина по ней проскакал на коне.
И горская сабля над горлом сверкнула,
И свистнула пуля вблизи головы,
И впала в измену красotka аула,
Чьи брови — оттянутых две тетивы.
И молвила чарка:
— Со мною, бездонной,
Его посадите, и дам я ответ,
Он волею крепок иль нету в нём оной,
Нетрудно узнать, кто мужчина, кто нет!
— Мужчин приведите ко мне на смотрины, —
Копейка хихикнула из кошелька, —
И я вам отвечу, какого мужчины
Цена на сегодняшний день высока.
Вдруг голос горы от вершины к подножью
Пронёсся, звеня, как набатная медь —
— Мужчина, кто правды не спутает с ложью
И ради свободы готов умереть.
[9]*

Высокое и бескомпромиссное звучание темы мужской чести особенно характерно было для народов Кавказа, воспитанных в суровых полупатриархальных условиях многовековой борьбы за независимость и личное достоинство.

Именно в этих условиях труднее было вытравить из новых поколений вековую мудрость. В доказательство приведу единственный в этой статье пример высокой

философской лирики, рождённой не в тиши подмосковных писательских дач, а на Северном Кавказе представителем народа, пострадавшего от произвола, так сказать «в полном составе»...:

*На свете молот есть и наковальня.
На свете есть дорога и арба...
Не знаю: кто из них многострадальней,
Чья горше, чья счастливее судьба?...
Не знаю, кто из них звенит печальней,
Кто большее кому приносит зло,
Но только знаю: трудно наковальне.
И молоту, я слышу, тяжело. [10, 126]*

Напомню в связи с этим, что следующая важнейшая в многонациональной стране характеристика — национальная принадлежность, её осознание. Начало «оттепели» совпало с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией. Более всеобъемлющей политической и культурной кампании не припомню с 1954 года. Конечно, и в ней поэты участвовали, достаточно вспомнить Владимира Луговского [12, 82-85]... Авторы из союзных и автономных республик эту тему не обходили вниманием, особенно в год 40-летия образования СССР. Как правило, описывали свой край с сыновней любовью (Кайсын Кулиев); присягали в верности предкам, современникам, землякам. (А. Дементьев +) [10, 123; 3, 201]

Не столь своеобразны, но столь же распространёнными были поэтические описания своих мест и земляков среди поэтов российской провинции. О волгарях — М. Луконин; о Вышнем Волочке /с его не соборами (!), не древними каналами, но/ с Гагановой, с рубинами звёзд Кремля, с лесопильщиками — И. Шамов; о святыне-Вологодчине, утрачивающей природность — А. Яшин. [3: 109, 209, 220] Горожанину трудно понять неприукрашенное, мужественное описание Р. Солнцевым грубых, но «добрых внутри» рабочих леспромхоза, кои велят столетние кедры, а в бараках вечерами «...пьют одеколон // поёт ...аккордеон // ...домино стреляет... жарится карась...», и просят поэта: мол «Не приукрашь...» [3, 210] А чего приукрашивать; помнится в леспромхозовском бараке в Онежском районе летом 1959 года, за отсутствием в магазине водки, и автор сих досужих строк по примеру взрослых работяг впервые хлебнул «кельнской воды», закусив сгущёнкой -дело житейское...

Нет расчёта перечислять написанное о Каспии, о Ярославщине и т.д. Мне как ленинградцу интереснее способы описания регионалами Ленинграда. Сина Королёва — ленинградская аспирантка родом из Подмосковья — описывала город, сравнивая его градостроительные элементы с близкими ей пространствами (площади — с полями...) [5, 110; 4, 110]

Одним из нормальных, традиционных средств содания у читателя облика своего родного места в значительное для стихотворца время его жизни было ...

Описание быта

Здесь не было особенных открытий. Речь шла о нехватке товаров потребления и давке в очередях, об украденных на вокзале ботинках, о многолетней «постройке» (не шинели) дамской шубы, о коридорной системе, о коммунальных квартирах с большим количеством дверных звонков. Горячие поэтические головы видели в тех квартирах род чистилища, приучавшего испытаниями кухонно-коридорных коммунальных войн к новому, здоровому быту в отдельных квартирах. Ка-

ковые во множестве строились в городах благодаря переходу к типовой крупнопанельной застройке. [11,37; 3, 188-189; 12,38; 3: 208, 63; 4,63]

Война до предела обострила проблемы быта. Отдельной строкой вписана была в историю поэзии тема фронтового быта, с лишениями не меньшими, но другими по сравнению с тыловыми. [10, 9...]

И конечно, в годы неполной урбанизации неудивителен бывал набор примет деревенского быта: *балалаечного, сметанно-бразного...* И — городского — *со званым обедом по праздникам или с выездом за город в выходной. Но и с экономной оглядкой на предстоящую покупку икафа!* [4,61;3,223]

Всё это ныне вспоминается то растроганно, то с отращением и стыдом. Ибо не счесть забот, не стоивших затрат, любых, невосполнимых.

Но особенно тошны сегодня, возможно, искренние на первых порах — восторги и хвалы поэтов суровому быту, лишениям молодых целинников, в частности — ленинградских инженеров. Так, Ю. Друнина одобряет тягу молодых супругов *в степи Казахстана из городской комнатики, уютной, ибо все богатства, накопленные мужем в первом браке, он-де оставил брошенной в трёхкомнатном дворце особе.* [3, 69, 82]

Дело не в моём сомнении в высоких стремлениях комсомольцев 1954-1963 годов. Дело и в незабытых досель слухах, которые ползли с целины о разгуле там преступности — как «привезённой» с путёвками ВЛКСМ, так и нахлынувшей из более охраняемых законом мест. Помнится, комсомольские комитеты шли на поводу у дирекции предприятий, выдавая путёвки на целину и на Всесоюзные стройки 7-летки не лучшим представителям молодёжи. И это был лишь один пример неразрешимого для советской власти противоречия между местными, ведомственными и общенародными интересами.

Другие виды противоречий в обществе были не столь очевидны, но не менее разрушительны, имели естественное происхождение и подчинённый характер. Такими представляются грани непонимания между молодёжью, зрелыми людьми и старыми в начале 1960-х гг.

Главный для меня как историка поколений в России XX в. — *возрастной срез социальных черт и отношений.* Основательной была бы характеристика этого среза в описании возрастов и поколенческих особенностей поэтов. Иной аспект — отражение ими своих впечатлений, мнений о возрастных группах окружавшего их народа. Первый аспект, вероятно, изъезжен литературоведением. Перехожу сразу ко второму.

Социально-возрастные характеристики

О литературе для детей и о детях не говорю. Взрослые же поэты для взрослых не могли не заметить, что дети стали уже *не так хилы, не так нервны, аккуратнее выглядят,* чем в первые послевоенные годы.

Один из патриархов советского стихотворства чётко разделял молодёжь на хорошую и на ту, которая *«не так верит в идеалы, ворует, крушит...»*

— *«Да и смотрит свысока»,* — добавлял не столь известный, но тоже прочно обосновавшийся в журнальном деле ровесник революции. [4: 24,100]

Уроженцы 1930-х гг. не могли забыть Войну, *заботу о раненых, пайковую скудость, да и просто еду с помоек.* Но крепко держалась в седле оптимистично представленная Б. Слуцким на примере некоего *Сэма Х. Симкина* часть этого поколения. [3: 139, 115; 13, 55] Раздумчиво описание фронтовиком-поэтом К. Ван-

шенкиным возвращения с Войны повзрослевших парней и встречу их с повзрослевшими девушками-невестами. [3, 56]

Пожалуй, этому большому поколению-когорте, — фронтовикам примерно 1905 — 1927 гг. рождения — было посвящено больше всего стихов, в том числе их собственных. Самые зрелые по возрасту из них строили (и были уверены, что построили) основы социализма в СССР. В том была уверена и большая часть старших фронтовиков и их родителей.

Одним из открытий для меня при работе над темой стали стихи Василия Казина (1898-1981) — сыгравшего в пролетарской ветви русской поэзии не меньшую роль, чем Н. Клюев — в ветви крестьянской. Просто-народно и пространно его рассуждение о Партии, наивно повторявшее трактовок передовиц начала 1960-х. На высоту же иную — подлинной трепетной любви он поднимается в стихах о своей немолодой уже избраннице на всю жизнь. И это — добрый был пример его ровесникам, перешагнувшим 60-летие. [3, 34]

Невелико в обозреваемых сборниках количество стихов о старости как этапе «жизни и судьбы». Впереди тут один из признанных мастеров стиха и строителей советского театра Павел Антокольский. Не успокаивавшийся в свои 60 лет:

*...И сделано, не кончено, не собрано, не спето.
Кораблик в море времени, летящая торпеда!
Не считано, не меряно, не скроено, не шито,
Не набрано, не сверстано. И нет еще души той,
Которая поймет меня, полюбит иль погубит,
Едва напиток огненный нечаянно пригубит...* [3, 42]

Впереди после этих слов у П.Г. было ещё целых 18 лет жизни.

О *смерти* разговора с читателем не избегали многие, и большей частью, повидавшие её не раз, в дни Войны и репрессий. Обращение с данной особой темой было неодинаковое после разных испытаний. Вероятно, приходилось оглядываться на допустимое в советском, оптимистичном «по идее», литературном потоке. Причём в стихах людей, много переживших, речь могла идти не только о физической смерти, но и о выжигавших душу испытаниях, «несовместимых с жизнью», нормальной. Ольга Берггольц писала:

*За мною такие утраты
и столько любимых могил!
Пред ними я так виновата,
что если б ты знал — не простил...
...Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далеко одна ухожу.
Туда, где ни мрака, ни света -
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: «Ну, где ты?»
О, знал бы, откуда зовешь!
Еще ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не откликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда...» [5, 17]*

Философски спокойным было стихотворение В. Шефнера о естественном возвращении в природу. [15, 177] О «внесоциальном» подходе смертного часа к людям писал фронтовик Евг. Винокуров. Самым же удивительным было призывание Дм. Сухарева: *«Давайте*

умирать по одному -// От хворостей своих, от червоточин, //От храбрости, — не знаю уж там точно, //Какая смерть положена кому...// А злобных и безумных — их в тюрьму, //Замки потяжелей, построже стражу!// К чему нам, люди, умирать всем сразу?..» [3: 83, 248]

Как рождался сей необычный призыв? Дмитрий Сухарев — биолог и один из основателей направления бардовской песни. Не нам бы, обществоведам, учить биологов, как обращаться с темой жизни и её противоположности. Дмитрию Антоновичу было чуть за тридцать, когда эти стихи появились в печати, и не раз. Выходит — он из настоящих «60-ников»? И юнец, и старик в начале 1960-х написали бы, и писали о смерти иначе. Таков эффект профессии? Или поколения?

Характеристики некоторых поколений

Тема поколений была очень актуальной, ибо самосознание формировалось, а у взрослых — изменялось, под влиянием быстрых качественных изломов в мире, во внутренней политике СССР. Воспоминания о дореволюционном детстве и отрочестве с их меньшими (в определённом кругу) социальными разладами, чем на дальнейшем пути поэта во взрослость; заклинания по поводу единства в главном советских поколений — это было в стихах В. Инбер, М. Алигер, Е. Винокурова, Н. Сидоренко. Критик писал об этом как о могучей скрепляющей общество связи. [3, 44, 74-78] За временной интервал между поколениями поэтов он брал 10 лет. Пожалуй, это было оправданно. Но различия в судьбах между людьми с разницей в возрасте в год-два-три бывали тоже очень существенны. Например, когда речь шла о призыве в армию в годы Войны. Не раз встречались в печати стихи, проза и воспоминания о юнцах, завидовавших призванным и отправленным на фронт. Не попадались высказывания об обратных чувствах робости, страха перед неминуемой гибелью. Но, несомненно, было и такое. В текстах совсем иного рода. К самым хлёстким, мудрым (но и бесполезным практически) относилось стихотворение М. Дудина, о котором пишу уже не впервые, ибо младший его персонаж — мой сверстник.

Т. Будановой

*У меня не смертельная рана!
Я еще допозду до огня.
Улыбается мальчик с экрана,
Бесподобно играя меня.*

*Добреду, опираясь о стену,
До палатки с кровавым крестом.
Зал внимательно смотрит на сцену,
В жизнь мою на ходу холостом.*

*Жизнь моя мельтешит и мелькает,
И у смерти висит на краю.
Удивляюсь, откуда он знает
Обожженную душу мою.
Я совсем отвергаю досаду
И клопный ее непокой.
А свою игру наградую
За меня перехватит другой.*

*С голубого экрана без грима
Он сойдет через десять минут.
И девчонки в бездумье игриво,*

Спотыкаясь, за ним побегут.

*Он пройдет, на меня не похожий,
Улыбаясь загадочно мне.
Дескать, шире дорогу, прохожий,
Отойди и постой в стороне.*

*Что ж, толкайся, но только не шибко.
Торопись, но спешишь погоди.
Где-то есть в моей жизни ошибка,
Не споткнись о нее впереди.*

*И не хмурь недовольного взгляда,
Непокорный вихор теребя.
Не играй меня, мальчик, не надо!
Я и сам доиграю себя.*

1962 [16, 27-28]

Поколение фронтовика Дудина окончательно доигрывало себя не в 1960-е гг., а в Перестройку и позже — в «новой» России, по-разному. Одни побывали «во власти», но быстро ушли или были изгнаны 40-50-летними. Другие — бились с бедностью, проклиная себя за доверчивость новым хозяевам жизни. А молодые их дети — немногие из них попытались встать на отцовские рельсы КПРФ. Некоторые бежали из «Рашки», иные боролись здесь, кто-то и вовсе пропал, не выдержав. С середины 2000-х гг. этот ужас сохранился, большей частью, в сёлах и малых городах. И уже внуки фронтовиков пытаются изобразить их на сцене и на экране. Но поверить им, в выстиранных и отглаженных гимнастёрках, трудно.

Самое бы простое и невозможное, увы, — запретить очередным поколениям играть в театрах и в кино роли отцов, дедов и предков. Ибо игры эти всё дальше от минувшей правды дум и событий. Досужие публицисты могут сколь угодно уверять в том, что черты поколения повторяются после трёх поколений на четвёртое. Но что повторяется в современной молодёжи по сравнению с доверчивыми к власти, к идеям коммунизма молодыми *комсомольцами-добровольцами 1930-х гг.*, с детьми Войны, о которых писали Е. Долматовский, Л. Агеев, Ю. Бурьгин? [3: 48; 4: 10, 44]. В целом же описание поколений как возрастных когорт примерно одной судьбы — может быть самое неверное, зыбкое дело, ибо даже *вывод о радости ровесников Войны от того, что они выжили*, — логичен, но верен редко, и чем мы, ровесники Войны, ближе к смерти, тем он (вывод) «ненужнее», поверьте. [17, 233]

Самое обыкновенное для романтических 1960-х гг. описание поколения рождённых в 1930-е годы — у Майи Борисовой:

«Вот он — представитель и глашатай моего поколения:// Твердоглазый, в очках и клетчатой ковбойке, // С мозгом, натасканным как хорошая гончая// На самый дерзкий и утомительный поиск. // Жажда нежности запекла его губы, // А он думает, что это от горного солнца.// Жажда нежности толкает его к женщине, // А он говорит, что у неё красивые ноги...» [20, 57]

Считается, что это — стихи. А что до образа, то если не обращать внимание на последние строчки, — вспоминается А. Демьяненко в роли Шурика, да и другие герои фильмов вроде «Три плюс два» тех лет. И об альпинистах, конечно. В стихах и фильмах этого рода, было что-то правдивое, но это была не вся правда. Страна жила ещё во многом глухо, грубо и трудно. Но

романтизировать-то можно всё что угодно. И на Дальнем Востоке образ дев этого поколения был неотличим с точки зрения комсомольского идеала от остальной России. Римма Козакова:

Мы молоды. У нас чулки со шторками. // Нам трудно. Это молодость виной. // Но плещет за дешёвенькими шторками // бесплатный воздух, пахнувший весной. //... Мы молоды. Мы смотрим строго, пристально. // Мы любим спорить и ходить пешком... // Ах, не покинь нас, ясное, весеннее, // когда к нам повзросление придет, // когда другое, взрослое везение нас по другим дорогам поведет... // Жизнь — наковальня. Поднимайте молоты! На молодости — главные дела. // Мы молоды. Мы будем вечно молодо // смотреться в реки, в книги, в зеркала...» [20, 202]

Стоит ли говорить, что такой оптимизм приветствовался бы любой властью как воспитывающий в нужном духе. Во всяком случае — при строе, в котором почти единственными издателями были Партия и Государство.

Отличный от «возрастной когорты» смысл понятия «поколение» — это ступень на семейной лестнице родства. И тема семьи не могла не отразиться в стихах.

О семье

До середины Советской эпохи дожила (и пережила её) грубость, пренебрежение юных *материнскими, дедовыми заботами*, когда старшие подростки видят в себе пуп земли и венец творенья. *Мать — опора семьи*, но лишь потеряв её, спохватываемся. Немного старше автора этих строк по годам рождения были *ребята из детдома*, которых расписал И. Фоняков тремя красками — тёмной, за их жестокое озорство и голодное воровство, красной — когда они раскрашивали свои рисунки о Войне, и радужной — перечисляя достойные профессии повзрослевших детей Войны, лишённых родителей. Трудно из стихов понять — что было меньшим злом, отсутствие родного тепла в детдоме или, как писала С. Евсеева о мачехе: «...И, как подсолнух, лузгаю // Я холод да озноб. // Зачем ты, заскорузлая, // Меня вгоняешь в гроб...!?» То есть, о семейных бедах можно было писать не только по поводу *пьянства мужей, измен*, но даже — о ненависти со стороны неродных членов семьи. [3:174, 192, 97; 4,86] Косвенным свидетельством непридуманности жалобы С.Евсеевой полагаю её авторитет начала 1960-х гг. в Москве среди первых имён поэтов «60-ников»... [18] Иное дело, когда поэт в стихах орудует догадкой, увидев, как дева рвёт письма на почте... [4, 120] Тут уж семье не бывать... А в стихах — отчего бы такую сценку не вставить.

Беспредельность веры в правдивость стихов о России, о семье испытываешь не сразу после прочтения. И иногда — только после узнавания и краткой, и большой неофициальной, в том числе фронтовой и женской биографии. Одно дело, когда незрелые юнцы или пожилые ханжи противопоставляют законный холодный брак тёплому, хоть и незаконному. Другое, когда за второй высказывается человек, во всех отношениях кристально чистый, много, в том числе в первом замужестве, переживший... Так обстоит дело со стихами на эту тему Юлии Друниной [3, 82; 19] Отвлекаясь от семейной темы и возвращаясь к «политике», подчеркну, что она, как навсегда военный человек и гражданин, не смогла жить в стране, оказавшейся в 1991 г. нежизнеспособной, трудности которой диаметрально отличались от тех, которые Ю.В. мужественно преодолевала в первые послевоенные годы.

Самая оригинальная семейная ситуация развернута была И.Садофьевым на трёх страницах ленинградского «Дня поэзии» всё того же 1962 года. (При том, что большинству авторов было отведено до одной страницы. Учитывали почтенный возраст поэта и бурное революционное и пролеткультовское прошлое?) А ситуация в стихотворении вот такая: поэт возвращается утром домой и не знает, как объяснить это спящей жене, не открывая причину, не подлежащую разглашению. Казнится, чуть не плачет, ожидая упрёков, слёз и пр. Но умная милая жена, пробудившись, ласково принимает его молчание, и он рад несказанно, что есть такой хороший человек — верящий ему. [4, 179-182]

Венчают семейную тему московского Дня поэзии 1962 три стихотворения Р. Казаковой о беременностях. Как мать, а значит особо знающая, провидящая жизнь, которую она даёт, поэтесса в музее пренебрегает скучным научнообразным комментарием экскурсовода к картине, на которой изображена юная Мать. (*Экскурсовод плетёт про ню, // Про вывихи таланта, // А мы прилипли к полотну, // Как к вымени телята. // Гудит он где-то далеко, // Дерёт своё мочало, // А в нас струится молоко // Что всех начал начало...*) [3, 70]

Не нам сегодня судить, почему не было счастья в личной жизни этой искренней души, выразительницы чувств целого поколения молодёжи 1960-х, и дававшей и следующим поколениям советских людей крепкие, нужные, видимо, стихи и песни. Дело, судя по справкам биографов, в несчастливом выборе при строительстве ею своих семей. Партнёры оказались «не те». Да и разводы в «оттепель» стали проще.

То, что одному казалось допустимым, нравственным, другой или другая терпели годами, но в результате браки распадались, дети прекращали отношения с родителями, брат с братом...

Тема человеческих достоинств и недостатков, пороков — одна из самых характерных для поэзии всех времён. А в 1962 г. её подогревало принятие партсъездом Морального кодекса строителей коммунизма. Таковыми считались все трудящиеся Советской Страны.

«Что такое хорошо и...»

Видимо стоит напомнить, что моральный идеал для сознательных строителей коммунизма предусматривал:

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.
2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.
5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.
6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.
7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.
8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.
9. Непримируемость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.
10. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.
11. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

12. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами. [7]

Как видим, каждые две из трёх «заповедей» совпали или были близки общегуманным моральным ценностям. Некоторые части сих заповедей свободно ложились в стихотворные размеры.

М. Алигер обличала ловчил, пустоцветов-писак, лентяев; Р.Рождественский был недоволен былым отождествлением советских простых людей с винтиками [3: 52, 94] Более сложный случай — демонстрация пресловутой сложности человеческой природы. В. Карпеко (1922 — 1993) показывал, что трудовые подвиги женщин его поколения в годы Войны не сделали их после Войны образцами миролюбия, следования правилам социалистического общежития в коммунальных квартирах... [3, 100]

В противовес сим горестным наблюдениям — идеализация Н. Кутовым образов простых, прямых, бескорыстных, чистых душой людей начала советской эпохи. Не столь масштабна, но тепла благодарность И. Григорьеву крестьянскому дому на Псковщине за гостеприимство. [4: 126, 66] Всё же — самые распространённые аспекты нравственных «исканий» — осуждение безнравственности, как правило, безадресное, или — более-менее искреннее описание борьбы и победы поэта над дурным в себе. В частности — над страхом в общественной и обыденной жизни (В. Цыбин). [3, 111] А Евг. Храмов побеждает минутную обиду, когда на родине его — уже опубликованного и показанного в телевизоре, старухи называют «внуком Петровны...». [3, 165] Поэтов окружали обыкновенные люди, с их вековыми и — благоприобретёнными в советских условиях качествами. Помехой общей радости назвала Л. Татьяничева хмурого человека, не пытаюсь узнать возможные причины хмурости. [4, 197] А ведь возможно, что он сокрушался о горькой участи народов капиталистических, и того хуже — колониальных и зависимых стран.

При выездах за границу, при наблюдениях за интуристами в своей стране, при просмотре зарубежных кинофильмов советские люди встречались с образцами поведения, предосудительными с точки зрения ревнителей моральной устойчивости советских людей. Поэзия, в отличие от очеркистов-международников, в малой мере отразила чуждость нам «их» нравов. Но вот Я. Хелемскому, очевидно, довелось побывать во Франции и в её недавних африканских владениях. Он, с одной стороны, примирительно комментирует поцелуи влюблённых под платанами площади Клиши, с другой — осуждает белых сластолюбцев — зрителей стриптиза в Дакаре, с похвалой отзываясь о сенегальцах, чуждающихся подобной гнусности. [3, 212-213] Теперь бы это называлось мягче, ибо понимание допустимого в культуре необычайно расширилось.

Три штриха об отражении в стихах культурных явлений

В том, что поэзия является частью культуры, сомнений нет. Но собственно связанные с культурой в узком смысле явления не так часто становились темами стихов. Для примера упомяну о стихах: Н. Малышева — как он читал механизаторам в мастерской; С. Городецкого — как соборы Кремля охотно приняли в свою семью Дворец Съездов... [3: 136, 59]. На этом незатейливом фоне радостно было тогда и теперь читать крепкие и умные стихи А. Гитовича о творчестве Пикассо, о том, что «*кое-где и поныне боятся*» подлинного смелого искусства... [4, 56]. Читая об этом тогда,

мы довольно хмыкали, чуя, в кого метит поэт — в душевателей свободного стиха, абстракций в живописи, «сумбура» в музыке, непонятной простому человеку. Этих чинуш мы презирали или даже ненавидели... Куда спокойнее было воспринимать стихи о природе.

О природе ли?

Не нами сказано, что и в фольклоре, и у профессионала-литератора часто-часто виды родной земли становились экспозицией, поводом задуматься и написать о собственно человеческих темах. В этом смысле природа как комплекс понятий, особенно в идеологизированном насквозь обществе, тоже социальна. Больше того, наши школьные учителя 1950-х гг. бранили внесоциальные любования природными картинами — как «искусство для искусства», и мы этаких поэтов (Полонского, Фета, Мей, или Майкова?) не проходили. Потому-то с радостью запоздалой видятся теперь стихи с изображением природы без человека, чаще всего чуждого натуре. И вещи его чужды, даже если это не тархатящая техника, а вполне безобидный бачок...: «*Скамейки и навес, // Бачок с водюю пресной // Перед лицом небес // Тут как-то неуместны...*», — писал Юрий Смирнов, о стихах которого, одного из немногих, хотелось бы говорить подробно... [21, 65]

Повторяю: неудивительно социальное звучание стихотворений о природе в рассматриваемых сборниках. Вот вроде и роса на лугу, и жаворонок над, а удары железа по железу сначала птичку заглушают, потом и вовсе напоминают о рубеже обороны, о павших воинах (Глеб Семёнов, 1956) [5, 116 +] Ещё более естественна привязка природных впечатлений, мечтаний даже, к районам национальным. И задушевное, тихое, «фетовское», хочется повторить вслед за ленинградцем Сергеем Спасским: *В сердце печаль соловьиная, // Песен прилив бессловесных. // Так бы и брел Украиною // Спящей, висящей в безднах...* [5, 127]. Так же близка ему, уроженцу Киева, была Грузия, стихи поэтов коей С.Д. переводил много и достойно...

Проще, в традиции воспевания великих преобразователей природы, восхищён один поэт якуткой-мичуринкой, везущей домой саженец яблоньки, согревая его своим дыханием... Другой — строителями каналов в пустыне, третий — клеймит «геолога», не выдержавшего трудности в тайге, и это тоже вроде бы правильно... [4: 183, 39, 33]. Но нам, в начале 1960-х и это тоже было не нужно, как и большая часть тем и стихов, в данной статье приведённых. Мечталось-то — о зауми хотя бы, если не о едкой антисоветчине... Так помнится сегодня мне. Интересно бы знать мнения по этому поводу коллег-ровесников Войны.

В наше время глубокого уважения к дельфинам плохо воспринималось бы насмешливое презрение к ним недавно оставившего этот свет Виктора Александровича Сосноры, одного из самых загадочных поэтов второй половины прошлого века и начала нынешнего. Была ли то шутка или причуда таланта...

Я не верю дельфинам. // Эти игры — от рыбьего жира. // Оттого, что всегда слабосильная сельдь вне игры. // У дельфинов малоподвижная кровь в склеротических жилах. // Жизнерадостность их — от чужих животных и икры. // Это резвость обжор. // Ни в какую не верю дельфинам, // грациозным прыжкам, грандиозным жемчужным телам. // Это — кордебалет. Этот фырк, эти всплески — для фильмов, // для художников, разменявших на рукоплескания красок мудрый талант. // Музыкальность дельфинов! // Разве после на-

сыщенной пищей недели, худо слушать кларнет?// Выкаблучивать танец забавный? Квартируются в море, а не рыбы.// Летают, а птицами стать нет надежды.// Балерины — дельфины,// длинноклювые звери с кривыми и злыми зубами. [3, 191].

Не мне, знавшему Виктора очень давно, в середине 1970-х, и недолго, судить о том, какие душевные механизмы, какие черты биографии определяли то внятность и традиционность, радовавшую мастерством в его древнерусском цикле, то полную темноту для непосвящённых и далёких, для большинства. Не боясь упрека в упрощенчестве, скажу: Соснора был ближе к небожителям-пастернаковцам, чем к земным мудрым твардовцам.

В поэзии же нужны и те, и другие. Всегда. Ибо и мы, читатели разные.

Итак, прочитаны и перечитаны сотни строк, названы десятки имён.

И лишь несколько из них — с безграничным уважением и радостью-благодарностью. Они почти всё те же, что 50-60 лет назад. Добавилось лишь более чёткое представление о двух главных поколениях-когортах поэтов оттепели.

Очень условно — во-первых, о студентах или старшеклассниках, прошедших фронтовыми дорогами, и после Войны в голоде и лишениях заканчивавших Литинститут, пробивавших дорогу в литературу суровой правдой о войне и радостью мирных дней.

Следующее поколение, рождённое с конца 1920-х гг., почти не успело повоевать. Оно терпело лишения в эвакуации, в прифронтовом тылу или на оккупированной территории. Как известно, именно из него вышли поэты, составившие славу поэтической оттепели.

Смысл статьи, для автора, пожалуй, в том, что вполне добросовестный обзор показывает: ткань, фон «оттепели» в поэзии был на деле гораздо более бледным, традиционным, чем видится из сегодняшнего далека, когда мы вспоминаем самых талантливых, взявших себе имя 1960-х годов.

1 Русская поэзия второй половины XX века / [сост., вступ. ст., коммент. В. В. Агеносова, М. Г. Павловича]. — Москва : Дрофа : Вече, 2005. — 237, [1] с.

2 <http://liricon.ru/biografii-poetov/kuznetsov-yurij-polikarpovich> Обращение 2019-05-13.

3 День поэзии 1962 г. М.: Советский писатель, 1962. — 312 с. Главный редактор М. Луконин. Составитель В. Туркин. Тираж 50 000.

4 День поэзии. 1962. М.-Л.: Советский писатель, 1962. — 234 с. Составители: В. Бахтин, С. Ботвинник. Тираж 25 тыс. экз.

5 День поэта. Стихотворения ленинградских поэтов. Л.: Лениздат, 1956.-159 с. Составители Б. Кежун и Л. Хаустов. Тираж 10 тыс. экз.

6 Петербургские поэты. Антология. СПб, 1995.

7 https://studopedia.ru/11_1969_tekst-moralnogo-kodeksa-stroitelya-kommunizma.html Обращение 19 мая 2019 г.

8 Цит. по: Прохвятилов В. Виктор Кривулин.// Ленинградский литератор, 1990, 10 янв.

9 <https://allyr.ru/lyrics/song/74579-rasul-gamzatov-muzhchiny/> Обращение 20 мая 2019.

10 Избранная лирика. Стихи. — Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. — 216 с. Рецензент Н. Старшинов.

11 Советская поэзия 1960-х — 1970-х г. /Сост. А. Целищев; Вступ. статья Е. И. Осетрова М.: Сов. Россия, 1985. — 304 с. — (Школьная библиотека)/

12 Стихи 1954 года. М.: Гос. издательство художественной литературы, 1955. — 271 с. Тираж 75 000. Составители: К.М. Симонов, Н.С. Тихонов, С.П. Шипачёв.

13 Горбовский Глеб. Спасибо, Земля. 2-я книга стихов. М.-Л.: Советский писатель, 1964.

14 <http://nefertiti.me/Poetry/2013-ANT/6/ANTOKOLSKIJ%20Pavel/index.php> Обращение 25 мая 2019.

15 День поэзии. 1965. М. -Л.: Советский писатель, 1965. — 324 с. Составители: С. Ботвинник, Ю. Заводчиков, Б. Кежун.

16 Дудин Михаил. Избранная лирика. М.: Молодая гвардия, 1966. - 32 с.

17 Рогинский Б., Булатов И. Жизнь и поэзия Льва Васильева // Лев Васильев. Стихотворения. СПб: Изд. Буковского, 2000. — 272 с.

18 <http://old.oo-spb.by/ru/news/novosti/303.html?id=303> Обращение 27 мая 2019

19 <https://www.chitalnya.ru/work/924500/> Обращение 27 мая 2019

20 Мы — молодёжь. Альманах. М.: Молодая гвардия, 1969. — 464 с., с илл. Составители: В. Гейдеко и О. Воронова.

21 Юрий Смирнов. Обруч. Книга стихотворений. М.: Советский писатель, 1969. — 68 с.

The reflection of the phenomena and problems of validity in Soviet poetry of the mid-1950s - late 1960s.

Czeslaw Simonovic
(Union of scientists, SPb)

The article deals with the reflection, in the censored Soviet poetry at the stage of «thaw» and at the beginning of the transition to the stabilization of the images of contemporaries, life situations, events, problems. That is, - about one of the most noticeable aspects of public consciousness in the conditions of refusal from mass repressions, from isolation from the outside world, and - weakening of «moral and political unity of the Soviet people». A selection of poems by the author (not a literary critic, but a historian, is not indifferent in the years to poetry) and comments for poetry is completely subjective. They may

be of interest because they reflect today's perception of that time and his poetry by an ordinary Soviet social scientist from the generation of war peers. The main conclusions: the poetry of those years developed, as a rule, in traditional forms, covering substantially all the main aspects of human life and society in a few extended framework of acceptable interpretations then. The brighter and more noticeable were the attempts to go beyond this framework by poets who differed in their subject-figurative vision of reality and created a unique poetic image first of the «thaw» itself, then of its gradual retreat.

Key words: Soviet poetry; «thaw» in the USSR; ; interaction of literature and reality on the way of the USSR from «thaw» to stabilization.